

БОЖЕСТВЕННАЯ ПОЧТА

written by

Виктор Дробек

[viktor.bushmin@gmail.com](mailto:viktor.bushmin@gmail.com)  
+79261938295

АКТ 1. ОБЩЕЖИТИЕ ЛИТИНСТИТУТА. МОСКВА.

СЦЕНА 1. КОМНАТА В ОБЩЕЖИТИИ.

*Освещена дверь комнаты. Перед дверью дружинники и ректор Литинститута.*

ДРУЖИННИК 1

Сергей Сергеич, да кто бы сюда их попёр. Здоровые же портреты.

ДРУЖИННИК 2

Да. Поздно уже, люди спят. Пусть милиция занимается. Рамы золочёные, наверняка, урки спёрли. Барахолки надо шерстить, вот что!

НАРОВЧАТОВ

Ничего, ничего. Со мной можно и будить. Я этого так не оставлю. Переверну сверху до низу общежитие, шутники. Я им покажу. Где комендант? Ладно, начнем без него.

ДРУЖИННИК 1

А куда сначала?

НАРОВЧАТОВ

Какая разница? Вот отсюда и начнём!

*Стучит в дверь. Освещается комната общежития. На стуле сидит Николай Рубцов в окружении украденных портретов классиков.*

НАРОВЧАТОВ (CONT'D)

Батюшки-светы! Коля! Как же так?

РУБЦОВ

Вот в кои веки решил выпить в приличной компании, и то не дали!

НАРОВЧАТОВ

Так, хватит. Несите портреты в институт. Милиции сообщите, что нашлась пропажа. Коля, Коля, что мне теперь с тобой делать?

РУБЦОВ

Сергей Сергеич, ведите. Только я Вам сначала новое стихотворение прочитаю!

(читает в зал)

В горнице моей светло.  
Это от ночной звезды.  
Матушка возьмет ведро,  
Молча принесет воды...  
Красные цветы мои  
В садике завяли все.

(MORE)

РУБЦОВ (CONT'D)

Лодка на речной мели  
 Скоро догниет совсем.  
 Дремлет на стене моей  
 Ивы кружевная тень.  
 Завтра у меня под ней  
 Будет хлопотливый день!  
 Буду поливать цветы,  
 Думать о своей судьбе,  
 Буду до ночной звезды  
 Лодку мастерить себе...

*Дружинники и Наровчатов уходят с портретами. В комнату заходит Кузнецов.*

СЦЕНА 2. КОМНАТА В ОБЩЕЖИТИИ.

КУЗНЕЦОВ

Юра, как хорошо, что ты здесь. Послушай, я влюбился. Странно прозвучит, познакомился я с ней из-за цветка.

РУБЦОВ

(зевая)

Юра, это очень интересно. Какого цветка?

КУЗНЕЦОВ

(читает в зал)

На гребне славы, а быть может, смерти  
 Я получил цветок в простом конверте —  
 Один цветок, и больше ничего,  
 И даже неизвестно — от кого.  
 Хотел узнать — напрасная попытка.  
 Жена сказала: — Это маргаритка. —  
 Цветок засох, я выбросил его.  
 Он для меня не значил ничего.

РУБЦОВ

Так и что жена, знает, что ты влюбился?

КУЗНЕЦОВ

Да я не про то. Я нашёл, кто передал мне маргаритку, она прекрасная девушка, ей нравятся мои стихи, правда, досадно, что она не понимает моих стихов, хотя хвалит. Ничего, поймут потомки...

РУБЦОВ

(зевая)

Измучил ты меня, Юра, чего ты от меня-то хочешь. Я тебя поздравляю, дальше что?

КУЗНЕЦОВ

Я так влюбился. Я так её хочу! Что ты мне посоветуешь.

РУБЦОВ

Ну, что, Юр, иди к ней в комнату, забеги, закрой дверь изнутри и скажи: "Если ты мне не отдашься прямо сейчас, я выброшусь из окна!"

*Затемнение. Рубцов и Кузнецов уходят.*

СЦЕНА 3. КОМНАТА В ОБЩЕЖИТИИ.

*В комнате девушка.*

*Вбегает Кузнецов, хлопает дверью.*

КУЗНЕЦОВ

Если ты мне сейчас не отдашься, я выброшусь в окно!

ДЕВУШКА

Дурак, отойди! Мамочки!

*Девушка выбегает из комнаты.*

КУЗНЕЦОВ

Я ведь поэт, я слово дал!

*Кузнецов задумчиво смотрит в окно, перелезает через окно и прыгает.*

*Вбегают в комнату Девушка и два парня.*

ДЕВУШКА

Он сказал, что выпрыгнет в окно!

ПАРЕНЬ 1

Юрка? Конечно, выпрыгнет!

ПАРЕНЬ 2

Смотрите, нет его! Вон – скорая уже едет! Понесли!

ПАРЕНЬ 1

Эх, Юрка, Юрка, зачем ты так. Довольна теперь?

ДЕВУШКА

Если б я знала, если б... Мамочки!..

*Заходит Наровчатов, Тарковский (на одной ноге с костылями).*

НАРОВЧАТОВ

Такое горе, такое горе. Мне звонили с морга, сказали умер Юра Кузнецов. Ушёл из жизни молодой поэт! Арсений, будешь коньяк?

ТАРКОВСКИЙ

Надо помянуть поэта.

*В дверь заглядывает Кузнецов.*

КУЗНЕЦОВ

Сергей Сергеич, здрасте!

*Все в шоке. Наровчатов с Тарковским выпивают коньяк.*

НАРОВЧАТОВ

Юра, ёж твою! Только что мне сказали, ты умер! Упал с балкона!

КУЗНЕЦОВ

Врут! Я по водосточной трубе вниз съехал, вот только ладони ободрал

(показывает ладони)

А скорую я там внизу видел, они человека с земли подняли на носилках и увезли, а я сюда.

ТАРКОВСКИЙ

Молодой человек, зачем вы прыгали с балкона?

КУЗНЕЦОВ

Так я ведь из-за любви! К ней!

ТАРКОВСКИЙ

(читает в зал)

Свиданий наших каждое мгновенье,  
Мы праздновали, как богоявление,  
Одни на целом свете. Ты была  
Смелей и легче птичьего крыла,  
По лестнице, как головокружение,  
Через ступень сбегала и вела  
Сквозь влажную сирень в свои владенья  
С той стороны зеркального стекла.  
Когда настала ночь, была мне милость  
Дарована, алтарные врата  
Отворены, и в темноте светилась  
И медленно клонилась нагота,  
И, просыпаясь: "Будь благословенна!" -  
Я говорил и знал, что дерзновенно  
Мое благословенье: ты спала,  
И тронуть веки синевою вселенной  
К тебе сирень тянулась со стола,  
И синевою тронутые веки  
Спокойны были, и рука тепла.  
А в хрустале пульсировали реки,  
Дымились горы, брезжили моря,  
И ты держала сферу на ладони  
Хрустальную, и ты спала на троне,  
И - Боже правый! - ты была моя.  
Ты пробудилась и преобразила  
Вседневный человеческий словарь,  
И речь по горло полнозвучной силой  
Наполнилась, и слово ты раскрыло

(MORE)

## ТАРКОВСКИЙ (CONT'D)

Свой новый смысл и означало: царь.  
 На свете все преобразилось, даже  
 Простые вещи – таз, кувшин, – когда  
 Стояла между нами, как на страже,  
 Слоистая и твердая вода.  
 Нас повело неведомо куда.  
 Пред нами расступались, как миражи,  
 Построенные чудом города,  
 Сама ложилась мята нам под ноги,  
 И птицам с нами было по дороге,  
 И рыбы поднимались по реке,  
 И небо развернулось перед нами...  
 Когда судьба по следу шла за нами,  
 Как сумасшедший с бритвою в руке.

*Все уходят.*

## СЦЕНА 4. КОМНАТА В ОБЩЕЖИТИИ.

*Кузнецов садится за стол. Пьет водку.*

## КУЗНЕЦОВ

(читает в зал)

Старинная осень, твой стих изжит,  
 Твоя сторона пуста.  
 Ночами под деревом воздух визжит  
 От падающего листа.  
 И ветер, донёсший раскат зимы,  
 Все стёкла задул в селе.  
 Деревья трянуло вон из земли,  
 А листья – назад, к земле.  
 Не воздух, не поле, не голый лес,  
 А бездны меж нас прошли.  
 Горит под ногами лазурь небес –  
 Так мы далеки от земли.  
 Но тише, подруга моя! Жена!  
 Минута раздумья есть.  
 То дождь пошёл, то почти тишина...  
 Такого не перенести.  
 Шёл дождь прямой, шёл дождь прямой,  
 Всё было прямым, прямым.  
 Шёл дождь прямой, шёл дождь прямой,  
 Внезапно он стал косым.  
 Всё стало косым под косым дождём:  
 Забор, горизонт, холмы,  
 И дом, потемневший мгновенно дом,  
 И мы перед ним, и мы!

*Кузнецов напивается и засыпает на столе на скрещенных руках.*

*К двери подходит Поэт с красивой девушкой.*

ПОЭТ

Дорогая, подожди, я быстро.

*Забегает в комнату.*

ПОЭТ (CONT'D)

Юра! Юра! Пойди погуляй!

КУЗНЕЦОВ

Куда я пойду? В таком виде ночью? Я сплю.

ПОЭТ

Тогда иди спать вон туда в уголок. Давай ложись. Я тебя тряпками закидаю.

КУЗНЕЦОВ

Не буди меня. Я тихо тут полежу.

ПОЭТ

Сиди тихо, сволочь.

*Поэт гасит верхний свет. Зажигает свечку.*

ПОЭТ (CONT'D)

Дорогая, заходи. Не смотри на беспорядок. Шампанского?

*Поэт с девушкой пьют шампанское.*

*Затемнение. Поэт с девушкой лежат в кровати. Закуривают в постели.*

*Кузнецов медленно поднимается из кучи тряпок. Подходит к кровати.*

КУЗНЕЦОВ

Сволочи, я уже три часа вас терплю. Угостите хотя бы сигареткой.

ДЕВУШКА

Кто это?

КУЗНЕЦОВ

Я - поэт.

*(читает в зал)*

Души рассеянная даль,  
 Судьбы раздёрганные звенья.  
 Разбилась русская печаль  
 О старый камень преткновенья.  
 Желает вольный человек  
 Сосредоточиться для Бога.  
 Но суждена ему навек  
 О трёх концах одна дорога.  
 Песок и пыль летят в лицо,  
 Бормочет он что ни попало.

*(MORE)*

КУЗНЕЦОВ (CONT'D)

Святой молитвы колесо  
 Стальные спицы растеряло.  
 А на распутье перед ним  
 На камне подвига святого  
 Стоит незримый Серафим —  
 Убогий старец из Сарова.

ДЕВУШКА

Пьянь ты, а не поэт.

*Все уходят.*

СЦЕНА 5. КОМНАТА В ОБЩЕЖИТИИ.

*Входит Витаков в белом плаще, испачканном грязными собачьими лапами, подмышкой несёт собаку в другой руке бутылка водки. Укладывает собаку в кровать, накрывает одеялом. Сидит курит.*

ВИТАКОВ

Вот зачем я эту собаку принёс?

*За сценой шум гулянки, крики.  
 (кричат)*

Витаков, Лёха, пошли с нами! У нас есть!

ВИТАКОВ (CONT'D)

Ну что, бедолага? И зачем я тебя принёс?

*Витаков уходит.*

*Затемнение. В комнате на кровати уже нет собаки. К двери подходит Коровин. В комнате сидит Цибик.*

КОРОВИН

Ты Витакова видел?

ЦИБИК

Видел, брат. Только он в собаку превратился. Не веришь, пойдём, посмотрим. Но ты вначале выпей, а то сердце не выдержит. Вы же чурки русские в реинкарнацию не верите, над буддизмом смеётесь. Вот сейчас сам во всём и убедишься.

*Коровин пьёт из пиалы. Идут к двери. Заглядывают в дверь.*

ЦИБИК (CONT'D)

О! Что я говорил.

КОРОВИН

Собака. В кровати спит. И сигарета дымится. Цибик... а чем коллективная белая горячка лечится?



ЦИБИК

Водкой, брат, чем же ещё?!

*Идут в комнату, садятся за стол. Ведут теософский разговор.*

*В комнату входит Витаков.*

*Цибик падает на колени. Обхватывает ноги Витакова руками.*

ЦИБИК (CONT'D)

Витаков, ты великий шаман, но, пожалуйста, больше так не делай!

ВИТАКОВ

Цибик, невозмутимый сын монгольских степей, послушай  
(читает в зал)

Ярмарка – лотки, ряды.  
 Меряй, пробуй – не хочу!  
 Масло, лак для бороды,  
 Платья, бублики. Но, чу!  
 Расступается народ.  
 Замолкает. Посмотри!  
 Скоморох босой идет;  
 Святочным снежком скрипит.  
 «Слышишь, эй, во рту горох,  
 Ты куды, Емеля?»  
 Отвечает скоморох:  
 «Все дороги в землю.  
 То, что вижу: говорю.  
 Говорю, что знаю.  
 Стадо коз через ноздрю  
 Разом пропускаю.  
 Не гляди с открытым ртом,  
 Что хожу залатанный.  
 Я сморкаюсь зато  
 На подолы знатные.»  
 «Ох, Емеля, смелый ты!  
 Кнут милее хлеба.  
 Скидывай, давай, порты –  
 Пустим пыль до неба!»  
 На спине от батогов  
 Проступили сливы,  
 Но Емеля-скоморох  
 Парень незлобивый.  
 Сколько знал он синяков,  
 Что июль колосьев.  
 Все равно дразнит попов  
 Ни за что не бросит.  
 Вдруг колокол грянул. Рванулся звонарь.  
 Мороз пробежался по коже.  
 Полнеба завесила дымная хмарь.  
 Поднялся огонь над сторожей.

(MORE)

## ВИТАКОВ (CONT'D)

Татары! Пять тысяч! Вмиг вылетел хмель.  
 Стал воздух стеклянным от гула.  
 Блестит золотая хутангу-дегель  
 На темнике широкоскулом.  
 Пять тысяч шеломов. Опятиконь.  
 Девятихвостая слава.  
 Вот темник смолистую вскинул ладонь,  
 И встала послушная лава.  
 «Эй, в городе, гостю ворот открывай.  
 Не видишь, замучился кони.  
 Для дани сто юнош, сто девок давай,  
 Воз белок. И мой вас не тронет!»  
 Посадник: «Что делать? Заплатим – уйдет!  
 Не будет ни смерти, ни смрада.  
 Бояре, что скажете?» «Мы – как народ!  
 А людям пожаров не надо!»  
 Сжал тысяцкий бороду. Взгляд – на живот.  
 Полсотни дружины всего-то.  
 Да рати полтыщи. «И я – как народ.  
 Лить кровь никому неохота!»  
 Тут в сенях переполох  
 Разве так бывало,  
 Чтобы первым скоморох  
 Вышел на забрало.  
 Крикнул: «Хари – срам один.  
 Знать с навозной каши.  
 Щас Емеля, сукин сын,  
 Представленья спляшет!»  
 Потянул ведерный ковш.  
 Льет смолу на плечи.  
 Кинул к солнцу медный грош.  
 Поглядел далече.  
 На три счета став седым,  
 Чирканул кресалом.  
 И пред взорами орды  
 Пламя заплясало.  
 Как бились! – Никто после вспомнить не мог.  
 За локоть, за пядь и за камень.  
 Ни с чем на степной возвратилось восток  
 Хвосты растерявшее знамя.  
 Два века потом у монгольских костров  
 Жил сказ, что в заснеженном крае  
 Выходит на стену седой скоморох  
 И солнце ковшом выпивает.

## ЦИБИК

Молодец, брат! Что так задумался сильно?

## ВИТАКОВ

Жигулёнок мой совсем развалился, на новую машину денег нет.

## ЦИБИК

Слушай, у тебя что пять рублей нет?

ВИТАКОВ

Пять есть.

ЦИБИК

Вон видишь храм, пойдя, подойди к Николаю Угоднику попроси: "У тебя много машин, у меня ни одной! Слушай, дай мне хотя бы одну!" Вот увидишь! Сразу даст.

ВИТАКОВ

А что. Пойду попробую. Делать нечего.

*Все уходят.*

СЦЕНА 6. КОМНАТА В ОБЩЕЖИТИИ.

*Возвращается Витак, в комнате уже сидит его тётюшка.*

ТЁТУШКА

Здравствуй, Лёша! Как ты хорошо выглядишь! Я заскочила на минутку тебя проведать.

ВИТАКОВ

Я думал ты в Германии сейчас. Двадцать лет не виделись!

ТЁТУШКА

Да. Приехала в Москву по делам! Как твои дела?

ВИТАКОВ

Да как. Денег нет, профессия творческая, машину менять пора, без машины вообще как без рук, сплошные поездки.

ТЁТУШКА

Какие проблемы?! Давай я тебе дам денег. Когда будут, тогда отдашь.

ВИТАКОВ

Спасибо!

(в сторону)

Началось!

ТЁТУШКА

Покупай как у меня, каблучок, например, Рено Кенго.

ВИТАКОВ

Поеду в Переделкино. Давно там не был.

АКТ 2. ПАРК В ПЕРЕДЕЛКИНО.

СЦЕНА 1. ПАРК В ПЕРЕДЕЛКИНО. РЯДОМ С ВЕРАНДОЙ.

*Витаков подъехал на новой машине Рено Кенго (каблучок). Выходит из машины. Подходит Сноб.*

СНОБ

А зачем это русскому поэту нужен французский почтовый автомобиль?

ВИТАКОВ

Вах! Чтобы вам, дуракам, письма от Бога возить.

(читает в зал)

Пахнет папа асфальтовым летом,  
Поднимает меня высоко.  
И светло, как от яркого света,  
От его серебристых висков.  
Я хочу прикоснуться рукою  
К облакам, как порою во сне -  
Словно знаю уже о покое  
Где-то там, в неземной тишине.  
Полетела за облаком шляпа,  
Не успела за шляпой рука.  
И лежит со свечою мой папа,  
Изголовьем ему - облака.  
С той поры в каждом сне я летаю  
Над резьбою знакомых крылец,  
Словно кто-то меня поднимает -  
Но не выше, чем в детстве отец.  
С той поры путь от лета до лета  
Предо мною лежит в маяках...  
Только ярче не видел я света,  
Чем от той седины на висках.

*Все уходят.*

СЦЕНА 2. ВЕРАНДА С МАНГАЛОМ В ПАРКЕ ПЕРЕДЕЛКИНО.

*За машиной прячутся девушки. За столом на веранде сидит Тарковский и Устинов, играют в карты.*

ДЕВУШКА 1

Смотри, какой красивый! Апполон.

ДЕВУШКА 2

Так у него одной ноги нет!

ДЕВУШКА 1

Дура, ты. Иди, дай полюбоваться. Такой красивый!

ДЕВУШКА 2

Ты хотя бы знаешь, как его зовут?

## ДЕВУШКА 1

Конечно, это поэт Арсений Тарковский. Ой, кажется, он на нас смотрит.

## ТАРКОВСКИЙ

Ох, девчонки.

(читает в зал)

Вот и лето прошло,  
 Словно и не бывало.  
 На пригреве тепло.  
 Только этого мало.  
 Все, что сбыться могло,  
 Мне, как лист пятипалый,  
 Прямо в руки легло,  
 Только этого мало.  
 Понапрасну ни зло,  
 Ни добро не пропало,  
 Все горело светло,  
 Только этого мало.  
 Жизнь брала под крыло,  
 Берегла и спасала,  
 Мне и вправду везло.  
 Только этого мало.  
 Листьев не обожгло,  
 Веток не обломало...  
 День промыт, как стекло,  
 Только этого мало.

## ДЕВУШКА 1

Как красиво! Арсений, а вы идёте купаться?

## ТАРКОВСКИЙ

Правда, можно и окунуться разок. Валь, ты пойдёшь?

## УСТИНОВ

Нет. Ты иди, я хочу картошку испечь на углях.

*Девушки и Тарковский уходят.*

*Устинов возится с картошкой.*

## УСТИНОВ (CONT'D)

(читает в зал)

Она вошла. И был её приход  
 в глухую келью, где мрачны страницы,  
 как первый луч разбуженной денницы,  
 когда неясен будущий исход.  
 Я ждал всю ночь. Всю ночь в пустом окне  
 скакали кроны стадом серых ланей.  
 И молнии – как вспышки злых желаний –  
 калили тьму... На медленном огне  
 себя я в эту ночь испепелил.  
 И был промеж добром и преступленьем,  
 когда услышал тайный хруст ступеней

(MORE)

## УСТИНОВ (CONT'D)

и лёгкий свист ладошки вдоль перил.  
 Дверь скрипнула, – как будто от души  
 зевнула, – током пронизав мне душу.  
 И я поднялся от стола, послушен  
 желанной сказке – или правде лжи.  
 Я окунулся в древнюю тоску  
 широких глаз, распахнутых углами  
 к вискам – как будто вымахнул крылами  
 орёл над азиатской твердью скул.  
 Из глубины немереных веков  
 с нетерпеливой варварскою силой  
 желание росло и пронесло  
 меня сквозь крепь рассудочных оков.  
 И руки стали жёстки и грубы.  
 И губы сохли. Почему-то с болью  
 хотелось брать – ломая тело, волю...  
 И чёрный пот осыпал наши лбы.  
 «Поверишь ли, я знал... – так я сказал. –  
 Нет, я не знал... Я не могу поверить...»  
 Она молчала, прислонившись к двери.  
 И я тогда взглянул в её глаза.  
 И отшатнулся! Смоляная тьма  
 в них с непонятной яростью клубилась.  
 Как будто пыль под конной лавой билась  
 и плавилась зажжённые дома.  
 В них тлел свирепый сумрачный огонь  
 поруганной не раз в столетьях чести,  
 под сердцем потаённой жажды мести –  
 и жажды умыканий и погонь.  
 Ведь ненависть! За что? Ошеломлён,  
 я отступил. И сел за стол. И робко  
 опять взглянул:  
 ...бежала к солнцу тропка,  
 а солнце погружалось в синий лён.  
 Какая тишь! Хлебов туманных зыбь.  
 И смоляные стены свежих срубов.  
 И павой, приоткрыв смущённо губы,  
 плыла навстречу – нежность и призыв.  
 Глаза – как два притушенных огня.  
 Подоткнута домашняя юбчонка.  
 И будто бы под грудью спал мальчонка –  
 вихрастый и насупленный, в меня.  
 «Быть может – самовар?..»  
 Я сам едва  
 осознавал, что говорил, что делал.  
 Но сердце билось, – разрывая тело.  
 И умерли случайные слова.  
 Какая же воистину она?  
 Я взял тесак и стал щепать поленья.  
 Но рядом – под материей – колени  
 чуть шевельнулись будто бы в томленье.  
 И накатилась нежная волна.  
 Но как же сокрушительно тому,  
 кто объявил себя венцом творенья,

(MORE)

УСТИНОВ (CONT'D)

увидеть под божественным пареньем  
в него природой вложенную тьму!  
Восстать!..  
Но ведь во мне восстанет тьма  
на то, что свято тянется к любви.  
И вновь прорыв – к насилию и боли.  
И – тьма как добровольная тюрьма.  
Любить!..  
Но как же трудно нам любить –  
нам, просвещённым детищам природы,  
познавшим тягу равенства, свободы,  
да не постигшим – как же с ними быть...  
Так вот в чём сказка, вот в чём правда лжи!  
Я задышался между правдой крови, –  
пылающей, как в дни набегов кровли, –  
и между сказкой цвета спелой ржи.  
И всё-таки – одна любовь верна!..  
Я сел к столу, за вечные страницы.  
И вдруг – впуская первый луч денницы –  
вздохнула дверь, и в дверь вошла она.  
Она вошла – неся с собой восход.  
И молча мне ребёнка протянула.  
Я взял его – неловко и сутуло...  
Но всё ещё неясен был исход.

*У двери в домик появляется бурятский писатель Есугей.*

ЕСУГЕЙ

Есугей, Есугей! Открывай, сукин сын, я тебе говорю.

*Приходит Готапов.*

ГОТАПОВ

Есугей, зачем ты бьёшь в свою дверь и самого себя спрашиваешь?

ЕСУГЕЙ

Отойди, ты молодой. Ты не знаешь. Там мой дух. А дух не пьёт, я его с собой не беру. Сейчас он встанет и откроет мне дверь.

*Есугей продолжает бить в дверь.*

УСТИНОВ

Есугей, понимаешь, дух бесплотен. Он тебе открыть не сможет.

ЕСУГЕЙ

Ты прав, Аха. А что будем делать?

УСТИНОВ

Что делать? Давай я выбью дверь. И пока никого нет, мы сходим, купим новый замок, врежем его. Только ты скажи духу, чтобы подальше отошёл, не то дверью зашибёт.

ЕСУГЕЙ

Ты не Аха. Знаешь почему? Ты же мне только что сказал, что дух бесплотен.

*Все уходят.*

СЦЕНА 3. ВЕРАНДА В ПАРКЕ ПЕРЕДЕЛКИНО.

*Входят Довлатов, Рейн, Найман.*

ДОВЛАТОВ

Вышел недавно сборник Галчинского. Четыре стихотворения в нем перевел Иосиф Бродский. Я раздобыл эту книжку. Встретил недавно Бродского. Попросил его сделать автограф. Он мне тут же сочинил экспромт:  
«Двести восемь польских строчек  
Дарит Сержу переводчик».

НАЙМАН

(показывает свою книгу)

У меня почти так же «Двести восемь польских строчек Дарит Толе переводчик».

РЕЙН

(показывает свою книгу)

Ха! Посмотрите! «Двести восемь польских строчек Дарит Жене переводчик».

ДОВЛАТОВ

Сука, Бродский. А ведь он гений!

*Заходит Бродский*

БРОДСКИЙ

Что это вы рано собрались, я собирался зайти к вам полседьмого, сейчас шесть часов, я по другому делу пришёл.

ДОВЛАТОВ

(достаёт ещё одну книжку)

Иосиф! Хорошо, что пришли! Смотрите, ваша книжка 64го года! 50 долларов отдал!

БРОДСКИЙ

А у меня такого сборника нет.

ДОВЛАТОВ

Хотите, подарю вам?

БРОДСКИЙ

Что же я с ним буду делать? Читать?! И вот, что...

(читает в зал)

Не выходи из комнаты, не совершай ошибку.  
Зачем тебе Солнце, если ты куришь Шипку?

(MORE)



## БРОДСКИЙ (CONT'D)

За дверью бессмысленно все, особенно – возглас счастья.  
 Только в уборную – и сразу же возвращайся.  
 О, не выходи из комнаты, не вызывай мотора.  
 Потому что пространство сделано из коридора  
 и кончается счетчиком. А если войдет живая  
 милка, пасть разевая, выгони не раздевая.  
 Не выходи из комнаты; считай, что тебя продуло.  
 Что интересней на свете стены и стула?  
 Зачем выходить оттуда, куда вернешься вечером  
 таким же, каким ты был, тем более – изувеченным?  
 О, не выходи из комнаты. Танцуй, поймав, боссанову  
 в пальто на голое тело, в туфлях на босу ногу.  
 В прихожей пахнет капустой и мазью лыжной.  
 Ты написал много букв; еще одна будет лишней.  
 Не выходи из комнаты. О, пускай только комната  
 догадывается, как ты выглядишь. И вообще инкогнито  
 эрго сум, как заметила форме в сердцах субстанция.  
 Не выходи из комнаты! На улице, чай, не Франция.  
 Не будь дураком! Будь тем, чем другие не были.  
 Не выходи из комнаты! То есть дай волю мебели,  
 слейся лицом с обоями. Запрись и забаррикадируйся  
 шкафом от хроноса, космоса, эроса, расы, вируса.

## РЕЙН

Все пустое. О чем говорить, если...  
 (читает в зал)  
 Нет вылета. Зима.  
 Забит аэродром.  
 Базарный грош цена тому, как мы живем.  
 Куда мы все летим?  
 Зачем берем билет?  
 Когда необходим один в окошке свет.  
 Я вышел в зимний лес,  
 прошел одну версту,  
 и то наперерез летел всесильный "ТУ".  
 Он сторожил меня овчаркой злых небес.  
 Я помахал ему перчаткой. Он исчез.  
 И я пошел назад по смерзшейся лыжне.  
 Я здорово озяб, и захотелось мне  
 обратно в теплый дом, где мой в окошке свет.  
 Крылом и колесом не оправдаться, нет!

## НАЙМАН

Женя, прекратите-таки за зиму, у мене кости стынут в жилах. Я  
 ещё не распрощался с летом. А лето проходит...  
 (читает в зал)  
 С опереженьем на добрый месяц проходит лето,  
 ещё июль, а леса сентябрьское сыплют семя.  
 Ветер восточный с дождём шумнут, что наложат вето,  
 но, хлопнув дверью, с опереженьем умчится время.  
 Что же спасёт? Говорят, простота, в простоте смиренье:  
 как Иван-дурачок, в июле ходить по бруснику,  
 не думать о снеге, держать вверх ногами книгу,  
 снять с ходиков стрелки и спрашивать «скоко время?».  
 (MORE)

НАЙМАН (CONT'D)

Но время уходит - ух! ах! уходит! -  
опережая себя самоё и всё на свете.  
Год в три годика - год, год в 30 - годик,  
в 60 - неделька: снег до субботы и мысль о лете.  
А лето проходит с опереженьем на добрый месяц:  
и в небе месяц с ножом в кармане, и я бруснику  
спешу собрать, к лунному мху головою свесясь,  
и вместе с падающей росой роняю ресницу.

*Все уходят.*

СЦЕНА 4. ВЕРАНДА В ПАРКЕ ПЕРЕДЕЛКИНО.

*На веранду тайком забирается Витаков с Товарищем.*

*Входит Ахмадулина, выпивает стакан коньяка, бросает  
мокрые кувшинки на стол. Спокойно подходит к месту,  
где спрятался Витаков с Товарищем. Вытаскивает  
Витакова и Товарища.*

АХМАДУЛИНА

А ну-ка, вон отсюда, шпионы!

*Товарищ убегает. Витаков остаётся.*

ВИТАКОВ

Мы же вовсе не грабители, мы за автографом.

АХМАДУЛИНА

Раз за автографом, тогда ладно. Но уйди так же, как пришёл!

*Смотрит, как убегают Витаков с Товарищем.*

*(читает в зал)*

О, мой застенчивый герой,  
ты ловко избежал позора.  
Как долго я играла роль,  
не опираясь на партнера!  
К проклятой помощи твоей  
я не прибегнула ни разу.  
Среди кулис, среди теней  
ты спасся, незаметный глазу.  
Но в этом сраме и бреду  
я шла пред публикой жестокой -  
все на беду, все на виду,  
все в этой роли одинокой.  
О, как ты гоготал, партер!  
Ты не прощал мне очевидность  
бесстыжую моих потерь,  
моей улыбки безобидность.  
И жадно шли твои стада  
напиться из моей печали.  
Одна, одна - среди стыда  
стою с упавшими плечами.

(MORE)

## АХМАДУЛИНА (CONT'D)

Но опрометчивой толпе  
 герой действительный не виден.  
 Герой, как боязно тебе!  
 Не бойся, я тебя не выдам.  
 Вся наша роль – моя лишь роль.  
 Я проиграла в ней жестоко.  
 Вся наша боль – моя лишь боль.  
 Но сколько боли. Сколько. Сколько.

*Уходит.*

## СЦЕНА 5. АВАНСЦЕНА.

*Выходят Витков, Рубцов, Устинов, Кузнецов,  
 Тарковский, Бродский, Рейн, Найман, Ахмадулина и  
 Пушкин.*

*Другой вариант – темнота в зале и голос читает.*

## ПУШКИН

(читает в зал)

Духовной жаждою томим,  
 В пустыне мрачной я влачился, –  
 И шестикрылый серафим  
 На перепутье мне явился.  
 Перстами легкими как сон  
 Моих зениц коснулся он.  
 Отверзлись вещие зеницы,  
 Как у испуганной орлицы.  
 Моих ушей коснулся он, –  
 И их наполнил шум и звон:  
 И внял я неба содроганье,  
 И горний ангелов полет,  
 И гад морских подводный ход,  
 И дольней лозы прозябанье.  
 И он к устам моим приник,  
 И вырвал грешный мой язык,  
 И празднословный и лукавый,  
 И жало мудрыя змеи  
 В уста замершие мои  
 Вложил десницею кровавой.  
 И он мне грудь рассек мечом,  
 И сердце трепетное вынул,  
 И уголь, пылающий огнем,  
 Во грудь отверстую водвинул.  
 Как труп в пустыне я лежал,  
 И бога глас ко мне воззвал:  
 «Восстань, пророк, и виждь, и внемли,  
 Исполнись волею моей,  
 И, обходя моря и земли,  
 Глаголом жги сердца людей».